

Ответ на "Предложение"

Корреспондент "Вечерки" побывал на спектакле с тем самым "Компетентным зрителем" (kz), в паре с которым, если читатели помнят, он уже не раз откликался на премьеры в разных театрах.

В театральных схватках победы и поражения определяются разногласиями публики.

Карло Гоцци

"Вечерка": Позвольте, разве это премьера? В театральной программке сказано, что она состоялась еще 16 июня 2006 года.

Kz: Да это, кажется, уже двадцатый показ. И слава Богу! Хотите знать, что говорил на этот счет Вс. Мейерхольд? "Спектакль на премьере никогда не бывает готов. Он доспевает только на зрителе. Поэтому я говорю критикам: судите нас после двадцатого спектакля. Но театральным администраторам хоть кол на голове теши - будут пригласять критиков на премьеру".

"Вечерка": Мейерхольд создал свой театр в 1920 году. Этот новаторско-экспериментальный феномен был назван "восстанием на базаре искусства". Театр "АртиШОК" - перчатка, брошенная на заре XXI века юной труппой замшелому академизму. Два этих театра, так далеко разведенные во времени, роднит, я думаю, одно: самобытная дань сценической условности.

Kz: Мейерхольд бы вам сказал со смехом: "Утверждать, что природе искусства свойственна условность, все равно, что говорить, что еда свойственна питательности".

"Вечерка": У меня появляется ощущение, что сам Всеволод Эмильевич сейчас где-то здесь, рядом с нами.

Kz: Что ж, он ведь тоже ставил эту пьесу в 1935 году в своем сборном спектакле "33 обморока" по одноактным шуткам Чехова. Но не пора ли нам в фойе? Глядите-ка, здесь добрая сотня зрителей. И сплошь молодежь.

"Вечерка": Рояль и барабан джазово наяривают популярный когда-то фокстрот Александра Цфасмана "Неудачное свидание". Прелестный текст написал для него "простой советский инженер" Владимир Трофимов. О нем сейчас почти все забыли, а песенку поют: "С утра побрился и галстук новый в горошек синий я надел. Купил три астры, в четыре ровно я прилетел!". Шлягер начала 1930-х. Не странноватая ли "интродукция" к пьесе, написанной в конце 1880-х? И эпоха была иная, и другая музыка гуляла на дворе: "Гитары звон и сердца стук - не вздохи ли сердечных мук".

Kz: Думаю, суть сей музыкальной завязки прозрачна. Еще до начала спектакля зрители, перешагнув через времена, должны начать погружение в среду сюжета. В сватовской визит 35-летнего франтоватого землевладельца Ломова (арт. Павел Пермяков) к его соседу по поместью Чубукову (арт. Игорь Личадеев), чья дочь Наталья, девица последней степени спелости, томится в бесконечном ожидании восторгов Гименея (арт. Галина Пянова).

Кстати, этот же фокстрот режиссер Маттиас Лангофф из Генуэзского театра включил в свою версию гоголевского "Ревизора". Когда он показал спектакль в Москве в 2003 году, рецензенты-пуритане заклевали его за стриптиз-шоу и скороморшескую безвкусицу на потребу дуры-публики.

И спектакль "АртиШОК" - для кого-то, наверное, балаган на грани фола. Его сварганила Анна Зиновьева, режиссер учебного театра Новосибирского театрального училища и актриса театра "Красный факел".

"Вечерка": Итак, Ломов заявился свататься. Однако после холостяцкой пристрелки выясняется, что и гость, и хозяйка неуступчиво претендуют на вклинившиеся между их землями "Воловы Лужки". И раздражается яря, захлебывающаяся канонада перекрестных оскорблений. В этой схватке два общих победителя: "бес противоречия" и азарт - любой ценой настоять на своем. Предложение руки и сердца оборачивается беспардонным фарсом.

Kz: Обратите внимание - все действие карусельно вращается вокруг "гвоздя", постоянно торчащего на сцене. Это кровать. То это берег реки, с которого Наташа удит рыбку. То пристанище для поникших в

одиночестве героев. А то используется и по прямому назначению - как ложе для их страстей (художник спектакля - Евгений Лемешонок, земляк постановщика).

"Вечерка": Сцена ужения впечатляет. Знаете, чем? Это отточенный этюд, который мог бы войти в программу мастер-класса Галины Пяновой для обучения молодых актеров сценическому действию без предмета. Но в спектакле эта сцена выпадает из целостного "предметного" постановочного решения. Чубуков плывет по реке в жестяной лодке - и всем понятно: это лодка. Ломов и партнеры поплавают настоящую воду из обычных кружек. А вот удилце, лесу и крючок с наживкой нам подает отчего-то "беспредметно". Явная стилизация разногласия.

Kz: "АртиШОК" дебютировал в 2001 году как театр пантомимы. И в своих "речевых" постановках актеры, видимо, не могут не поддаться искусству (или инерции?) сегольнуть этим умением. Даже ценой стилистической эклектики. Мейерхольд же предостерегал: "На сцене не может быть запрещенных приемов, есть лишь неуместно и некстати примененные приемы".

"Вечерка": Другая несообразность. Над поместьем анахронически витает дух более поздних эпох. Он веет из радиозапы (до изобретения радио!). Слышны команды физзарядки, которую транслировало по утрам Всесоюзное радио. И новейшая хроника о терактах на Северном Кавказе. Но Чехов тут причем? Вспоминается Грибоедов: "Шел в комнату - попал в другую".

Kz: Думаю, радиочур физкультуры - просто веселая мина театра. Что же касается смертоносной мины в Махачкале, то посредством этой информационной нашлапки постановщики хотели, наверное, привнести в сознание зрителей мысль, что чеховский сюжет живуч в любые времена. Это (да простит меня Всеволод Эмильевич) рецидив так называемой "мейерхольдовщины", как выражались рьяные критики великого режиссера.

А теперь, как говорил профессор Серебряков из пьесы Чехова "Дядя Ваня", "повестье ваши уши на гвоздь внимания". Одна из сюжетных интриг "Предложения" - земельный спор между помещиками. В наши дни приобрели злободневность подобные тяжбы между хозяйствующими субъектами, вкусившими сладость обладания частной собственностью. Так вот, на эту капитализацию правоотношений в постсоветском обществе театр "АртиШОК" отреагировал почти публицистически.

"Вечерка": В какие-то моменты я поймал себя на том, что больше слежу не за игрой актеров, а за вашей реакцией. Пьеса поставлена в традиционном для "АртиШОКа" ключе: в сценическую площадку превращен весь компактный зрительный зал, обжитый актерами до последнего метра и кресла. Вы, как белка, весь извертетесь, следя за их постоянными перемещениями и перевоплощениями.

Kz: И верно, актеры пространственно так близки, что оказываешься во власти парадоксальной иллюзии, что и они, и их герои чем-то близки тебе и внутренне. Будто живут в твоих зрачках. Этот "оптический обман" возникает благодаря блеску глаз, пластической свободе, мимическому выразительности и богатому интонационному ладу большинства актеров, занятых в спектакле.

"Вечерка": О, как говорил доктор Дорн в чеховской "Чайке": "Блестящих дарований теперь мало... но средний актер стал гораздо выше".

Kz: "Теперь" - это когда? Простите, но "средний актер" - это не диагноз Дорна. Это приговор. Я же считаю, что (не говоря уже о Галине Пяновой, органично вжившейся в роль Натальи) образ Ломова в исполнении Павла Пермякова - его творческий взлет. Слово актер вял завету Мейерхольда: "Чем смешнее комедия, тем серьезнее ее нужно играть".

А вообще, знаете, как великий режиссер определял способности актеров? По глазам: "Хороший

актер понимает цену взгляду и только отклонением зрачков вправо или влево, вверх или вниз дает нужный игровой акцент. У дилетантов же всегда беспокойные, бегающие по сторонам глаза".

"Вечерка": "Предложение" - это дипломный спектакль Анны Зиновьевой на курсе режиссера Леонида Хейфеца в Училище имени Вахтангова. Чувствуется школа этого знаменитого мастера.

Но меня позабавила смелость, с какой театр вторгся в "демографический" расклад пьесы. У Чехова всего три персонажа: Ломов, Чубуков и Наташа. Спектакль же заселен еще и взявшимися невестой откуда Бабой (арт. Вероника Насальская), ее Мужиком (Василий Третьяк) и двумя пассивами Чубукова - Преней (арт. Елена Набокова) и Новой (арт. Настя Зиновьева).

Kz: Давайте вчитаемся в программку. Жанр постановки определен как "спектакль-сон по мотивам произведений Чехова". Я сразу слышу конечную реплику Нины Заречной во 2-м действии "Чайки": "Сон!" Это символ ее романного чувства к Тригорину. И вижу угасающих молчаливых рыб, о коих вещает эта начинающая актриса в монологе своей декадентской героини.

Образы рыб, по воле сценариев, всплывают и в "Предложении". Они медленно плывут, обрамляя действие и растворяя его в зыбко-неуловимой атмосфере сотворчества драматурга, театра и зрителей.

Русалочья метаморфоза Наташи в ее фрейдистских снах "рифмуется" со словами Воинского, обращенными к несчастной Соне в "Дяде Ване": "В ваших жилах течет русалочья кровь. Будьте же русалкой! Дайте себе волю, влюбитесь в какого-нибудь водяного... И бултых с головой в омут".

"Вечерка": Но какой из Ломова водяной? Он явился, не ища "идеала и настоящей любви", а рассчитывая начать "правильную, регулярную жизнь".

Kz: В ткань спектакля вплетены не только мотивы названных пьес Чехова, но, по-моему, и "Трех сестер", и рассказа "Дочь Альбиона". Расширяя драматургическую основу спектакля и трактуя его как "сон", театр и здесь осознанно или интуитивно откликается на опыт Мейерхольда.

"Вечерка": Финал спектакля - нелепая смерть Ивана Ломова. Чехов его характеризует как "здорного и упитанного, но очень мнительного помещика", который вечно жалуется, не без рисовки, на свое якобы больное сердце. Режиссер же (извините), "спекулируя" на этой психологической слабости жениха, сцелестремленной безжалостностью доводит его не только до серии обмороков, но, наперекор авторскому сюжету, до летального исхода. Это уже не комический "Арт", а трагический "ШОК". И не одно только нарушение закона жанра. А его крушение. Если, конечно, считать "Предложение", как и другие одноактные шутки Чехова, водевилем.

Kz: Мейерхольд, наверное, назвал бы такое "убийственное" вторжение в сюжет нарушением принципа симметрии, который обязателен для водевиля. Водевиль, по определению, - это комическая бытовая пьеса с занимательной интригой. Сплетение остроумных диалогов, музыки, танцев и куплетов. Жанр требует от актеров мастерства перевоплощения, импровизации и изящества исполнения. Все знают крылатую реплику Репетилова из "Горя от ума": "Водевиль есть вещь, а прочее всё - глупь".

"Вечерка": Стало быть, наше "Предложение" вовсе не водевиль?

Kz: От "арта" до "шока", то есть от смешного до вовсе не смешного - один шаг. Или, точнее, роковой срыв рискованного канатоходца.

"Вечерка": "АртиШОК" авторский подправил финал бесшабашного чеховского полотно трагическим аккордом. Так, мол, и надо Ломову! Этому "серому пятну" вместо человека (по выражению самого Чехова)!

Kz: И здесь я также вижу "концептуальную" оглядку театра на Мейерхольда. Мэтр, желая театрално "пофизикулировать" на модном в его время ринге борьбы с "омерзительным мещанством", взял себе в соратники Чехова - "неподражаемого портретиста ничтожных людей".

Но после показа спектакля "33 обморока" режиссер откровенно сказал, что этот его эксперимент зритель не принял. "Хотя мы работали с удовольствием и любовью. Но перемудрили и в результате потеряли юмор. Надо смотреть правде в глаза: в любом самостоятельном спектакле на "Предложении" больше смеются, чем смеялись у нас, хотя играл Ильинский, а ставил Мейерхольд. Прозрачный и легкий юмор Чехова не выдержал нагрузки наших мудствований, и мы потеряли крах. Критикам možно не признаваться, а сам себе говори все".

"Вечерка": Но я бы не стал делать заключение, что этот спектакль театра "АртиШОК" - иллюстрация вывода Мейерхольда. Мы же с вами видим, что молодая, жизнерадостная публика, в целом, "премногу довольна". Я сказал бы так: театр приобрел опыт. А опыт - всякий ценен.

Kz: Знаете, что самое прекрасное в искусстве? Ответом словами Всеволода Эмильевича, дух которого давайте (так сказать, "астрально") полагать прекрасное присутствие на спектакле. "Самое прекрасное в искусстве - это то, что на каждом новом его этапе опять чувствуешь себя учеником".

"Вечерка": Что ж, позвольте и мне привести совет мастера, который, возможно, будет воспринят и театром "АртиШОК": "В искусстве нет универсальных отмычек ко всем замкам. К каждому автору нужно искать специальный ключ".

Сергей КОВАЛЬ
Фото Раныс КРУГОВОЙ